

Рыба оказалась действительно крупной, длиной более восьми чи, с крепким, словно кованым, телом, которая упорно сопротивлялась, не отпуская крючок. Жун Лоюнь встал, изо всех сил потянул удочку, но ничего не вышло. Осторожно сделав полшага вперёд, он настолько испугался, что больше не осмеливался приблизиться.

Хо Линьфэн, находившийся под водой, не мог оценить силу сопротивления, но, будучи опытным воином, резко дёрнул удочку.

Лицо Жун Лоюня исказилось от ужаса. Его тело потащило вперёд, скользкий камень лишил равновесия, и он, бросив бамбуковую удочку, упал в озеро.

В момент падения в воду его лицо побледнело. Окружающая вода поглотила его, и он погружался всё глубже, его одеяния развевались, словно листья на воде.

Он пытался кричать о помощи, но в рот лишь хлынула холодная вода. Казалось, кто-то приблизился, но страх лишь усилился, и он внезапно перестал дышать, оказавшись на дне. В этот момент его запястье схватили, большая рука обхватила его талию, и с шумом он вынырнул на поверхность, вновь увидев свет.

Взгляд Жун Лоюня был рассеянным. Он вышел из воды, но его глаза покраснели. Он замёрз, испугался, и, в отличие от того момента, когда он был грозным воином, сейчас казался беззащитным ребёнком.

— Господин? — позвал Хо Линьфэн. — Господин?!

Он был совсем рядом, обнимая Жун Лоюня, их груди плотно прижимались друг к другу от учащённого дыхания. Две красные карпы, воспользовавшись моментом, уплыли, кружась вокруг них. Жун Лоюнь смотрел в пустоту, словно был в трансе.

Железная рука Хо Линьфэна крепко обхватила тонкую талию, другой же он легонько похлопывал по щеке, но ничего не помогало. Тогда он начал осторожно массировать его шею. Он винил себя за то, что потерял контроль, и сказал:

— Это я виноват...

Не успел он закончить, как красные глаза Жун Лоюня наполнились слезами, которые капнули на поверхность озера, создав маленькие круги. Его тонкие губы дрогнули, и он прошептал что-то, расслабив тело. Весь он покорно дрожал, прижавшись к плечу Хо Линьфэна.

Сердце Хо Линьфэна замерло. Мягкие губы прижались к его уху, повторяя снова и снова:

— Не убивай меня.

...Эти слова звучали так скорбно, что ранили сердце.

Хо Линьфэн был в смятении. Жун Лоюнь прижимался к его уху, и его голос звучал, как кошмар.

Он обнял его и поплыл к берегу, крепко держа за талию и шею, их груди плотно соприкасались. Впервые он так крепко обнимал кого-то, кто дрожал от холода и страха, мучаясь в его объятиях.

Добравшись до берега, он не отпустил его, а вынес на руках. Наклонившись, он увидел, что

мокрая одежда облепила тело Жун Лоюня, как слёзы, которые он только что пролил. Он не осмеливался смотреть ему в глаза — в них не было ни капли жизни, они были пустыми, словно вокруг таилась опасность.

Дядо Юйлян тоже испугался. Он бежал за ними, полностью раздетый.

— Второй брат, второй брат! — кричал он, в отчаянии ударяя Хо Линьфэна по плечу. — Что ты задумал? Кто позволил тебе так издеваться над ним?

Хо Линьфэн не ответил, просто отнёс Жун Лоюня в карету, опустил занавеску, скрыв внешний мир.

— Господин? — мягко позвал он, наклонившись и положив Жун Лоюня на сиденье.

— Не надо... — прошептал Жун Лоюнь, его лицо было белым, а глаза красными. Он извивался, согнувшись, мокрый и слабый, свернувшись в клубок.

Хо Линьфэн не знал, что делать. Испуганный вид Жун Лоюня лишал его сил. Он наклонился, одной рукой поддерживая талию, другой — плечо, и снова поднял его.

— Господин, я переодену вас.

Хо Линьфэн нашёл застёжку на поясе Жун Лоюня, расстегнул её и снял. Затем он развязал шнурки на одежде, снял верхнюю часть и начал медленно снимать её с тела.

— Если вам холодно, прижмитесь ко мне, — тихо сказал он.

Жун Лоюнь был словно деревянный, медленно двигаясь, прижимаясь к нему, как к спасительному бревну в воде, а теперь — как к тёплому углю.

Одежда постепенно снималась. Хо Линьфэн развязал последний узел и снял нижнюю одежду Жун Лоюня. Его большая рука коснулась спины, где позвоночник слегка выпирал, кожа была гладкой и холодной. Он даже боялся сильно тереть, чтобы не повредить эту хрупкость.

Он надел на Жун Лоюня свою рубашку, которая была немного велика, и затянул шнурки. Затем он накинул на него верхнюю одежду и завернул.

— Не убивай меня, — шептал Жун Лоюнь, всё ещё умоляя.

Сердце Хо Линьфэна сжалось. Эти тихие слова были как острые крючки, отравленные и быстрые, вонзающиеся в него. Он закрыл глаза, и перед ним всплыли кровавые воспоминания, кошмар шестилетней давности.

Тюркский город, он скакал на коне с мечом в руке, а у его ног молились жизни: «Не убивай меня...»

— Прости... — прошептал Хо Линьфэн, наклонившись и прижавшись к виску Жун Лоюня. Он искал что-то, затем нашёл его ухо. Мочка уха, за ухом, затем он прижался к мягкой мочке.

— Прости... прости...

Этот общий кошмар был как верёвка, связывавшая их, и она не отпускала их долгое время.

Постепенно тело Жун Лоюня согрелось, его ухо касалось тёплых губ, и напряжённая струна

внутри него ослабла. Он устроился в объятиях Хо Линьфэна, положив голову на его широкое плечо, и спокойно заснул.

Хо Линьфэн не двигался, так он пролежал почти два часа. Иногда он закрывал глаза, чтобы отдохнуть, или смотрел на резное окошко, на котором были изображены фениксы, и считал перья на их крыльях.

Одежда распахнулась, Жун Лоюнь свернулся в ней, одной рукой крепко сжимая край. Хо Линьфэн, устав от созерцания, опустил взгляд и увидел этот «детский жест», который снова тронул его сердце.

Внезапно Жун Лоюнь дёрнулся в его объятиях, словно у него свело ногу. Хо Линьфэн подышал на ладонь, затем опустил её под одежду и начал массировать ногу, постепенно усиливая давление.

Через некоторое время нога перестала болеть, но ступня, выглядывающая из-под одежды, словно смутилась и сжалась. Хо Линьфэн тут же поднял взгляд и встретил пробудившийся взгляд Жун Лоюня, холодный и сонный. Он снова погладил ногу, и холодный взгляд покрылся лёгким румянцем.

Хо Линьфэн осторожно спросил:

— Господин, вам лучше?

Жун Лоюнь вырвался и отодвинулся к противоположной стенке кареты, скрывая смущение и стыд:

— Убирайся.

Хо Линьфэн послушно выпрыгнул из кареты, обошёл её и заглянул в окошко через резные узоры. Жун Лоюнь сидел, медленно соображая, возможно, ему было холодно без объятий, и он плотнее укутался в одежду. Увидев это, Хо Линьфэн направился к берегу озера и нырнул в воду.

С шумом! Жун Лоюнь вздрогнул, подошёл к окошку и увидел, как непослушный ученик плывёт к водопаду. Он смотрел, увлечённый, когда занавеска поднялась, и Дяо Юйлян заглянул внутрь, держа в руках высушенную одежду.

— Второй брат, ты меня напугал, — пробормотал Дяо Юйлян. — Раньше такое могло длиться всю ночь, но Ду Чжун обнял тебя, и ты быстро пришёл в себя.

Жун Лоюнь открыл рот, развязал затянутые шнурки на рубашке, и, как только они развязались, всё вспомнилось. Тот человек вынес его на берег, посадил в карету, крепко обнял, переодел и шептал ему в ухо извинения.

Чем больше он вспоминал, тем больше его бледное лицо покрывалось румянцем, как закатное небо.

Жун Лоюнь выпрыгнул из кареты, взглянул на камень и больше не осмеливался приближаться. Он сел у костра, раздувая пламя. Послышался всплеск воды, Хо Линьфэн проплыл через водопад и вернулся, но не вышел на берег, а бросил трёх красных карпов в ведро и уплыл.

Жун Лоюнь сжал ветку:

— Что он делает...

Дядя Юйлян сказал:

— Наверное, ловит красных карпов, чтобы извиниться перед тобой, поймает ещё, чтобы ты обрадовался.

С треском Жун Лоюнь сломал ветку:

— Не лезь не в своё дело.

Он подпёр подбородок рукой и смотрел на водопад. Солнце село, и белый поток воды превратился в алый, прекрасный и неопикуемый. Наконец, Хо Линьфэн вернулся, неся трёх золотистых красных карпов, и медленно подплыл к берегу.

Жун Лоюнь быстро отвел взгляд, уставившись на костёр, но краем глаза увидел, как тот приближается. Когда между ними осталось пять шагов, пламя костра вспыхнуло, и он резко вскочил.

— Господин, — позвал его.

Ему пришлось поднять взгляд. Яркий свет костра освещал крепкое тело Хо Линьфэна, и он наконец заметил... грудь, на которую он опирался, плечо, на котором лежал, руки, которые его обнимали — всё было покрыто старыми шрамами.

Хо Линьфэн поставил ведро, где шевелились шесть красных карпов, и сказал:

— Господин, сегодня я переступил границы, готов принять наказание.

Жун Лоюнь не хотел наказывать его, он уже достаточно унижился, и просто хотел поскорее забыть этот инцидент, тихо приказав:

— Пусть эти рыбы будут твоим извинением. Забудь это начисто и не говори никому.

Хо Линьфэн ответил:

— Хорошо, я никому не расскажу.

<http://bllate.org/book/16167/1449149>